
ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ЧИНОВНИКИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В. (НА МАТЕРИАЛАХ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

И.Г. Мельникова

Кафедра регионоведения и туризма
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
ул. Советская, 14, Ярославль, Россия, 150000

Статья посвящена служебной деятельности провинциальных чиновников в первой четверти XIX в. на примере губерний Верхнего Поволжья. Автор анализирует условия службы и характер повседневной работы служащих, выявляет особенности служебных взаимоотношений, рассматривает проблему взяточничества.

Ключевые слова: XIX в., Верхнее Поволжье, провинциальные чиновники, условия службы, повседневная работа, взяточничество.

Непосредственными представителями власти и проводниками государственной политики на местах были многочисленные провинциальные чиновники, служившие в губернских и уездных правительственных учреждениях. Кадровый состав местных учреждений составляли, во-первых, находившиеся при исполнении должностей – это коронные чиновники, назначаемые для службы в местные учреждения и служащие по выбору. Служба по выбору согласно закону «отождествлялась с службой правительственной», главной задачей выборной системы было поставлять чиновников в губернские учреждения (1). Во-вторых, «приказнослужители», к которым относились канцелярские чиновники, имевшие классный чин и находившиеся на службе в присутственных местах на должностях без названий, а также канцелярские служители, не имевшие классного чина и занимавшиеся перепиской и копированием документов. Данные должности местного аппарата управления отражены в общих штатах губерний Российской империи за 1800 и 1812 гг. (2).

Губернии Верхнего Поволжья: Владимирская, Костромская, Тверская и Ярославская – занимали выгодное географическое положение, находясь между Санкт-Петербургом и Москвой, имели много общего с точки зрения экономического потенциала (значительная доля текстильного производства, развитый отход и неземледельческие промыслы), состава населения, его уровня образования и политической культуры. Не случайно именно с данного региона Екатерина II начала проведение губернской реформы 1775 г. Наличие водных коммуникаций и развитие путей сообщения способствовало установлению тесных связей между губерниями. Все верхневолжские губернии согласно «Учреждению для управления губерний» 1775 г. и после-

дующим законодательным и нормативным актам имели однотипные системы управления и одинаковый штат чиновников.

Еще И.М. Страховский справедливо отмечал, что эффективность местного управления, как бы правильно оно ни было организовано, будет «всегда зависеть от того, какие служилые люди наполняют местные учреждения»: «То или иное административное устройство является только более или менее удобной, вспомогательной формой для деятельности управления, а по существу управляют не учреждения, но люди» (3).

Условия государственной службы в рассматриваемый период были непростыми. В последней четверти XVIII в. в губерниях началось строительство специальных административных сооружений, и к концу правления Александра I практически все губернские и уездные учреждения размещались в новых зданиях. Так, в топографическом описании Ярославской губернии за 1803 г. указывалось, что для присутственных мест в городе имеются два каменных трехэтажных корпуса, построенных в 1780 г., автором проекта которых считают штатного губернского архитектора Э.М. Левенгагена. В первом здании помещались губернское правление с чертежной, палата уголовных дел, прокурорская и врачебная управы, уездные и земские суды, дворянская опека, гауптвахта и архивы. Во втором здании располагались палаты казенная и гражданского суда, совестный суд, губернское и уездное казначейство с кладовыми, градская полиция, два винных подвала и третий каменный двухэтажный дом, построенный поблизости, в верхнем этаже которого жил винный пристав. Также в городе было два дома почтового ведомства, двухэтажный дом с мезонинами приказа общественного призрения, отдаваемый из найма питейных сборов откупщикам, дом призрения ближнего, где помещался и приказ общественного призрения, а также двухэтажный дом для вице-губернатора (4).

Ф. Шмидт в описании Ярославля 1809 г. указывал, что все эти здания только по своей наружности «заслуживают удивление», поражают красотой, внутри же «не вполне отделаны» (5). То же отмечал Карл Герман: здания присутственных мест в Ярославской губернии по большей части каменные, «многие из сих требуют немалой починки» (6). Губернское начальство обязано было следить за «своевременным исправлением ветхостей в казенных строениях» (7). Для получения необходимых для ремонта зданий сумм в Министерство внутренних дел представлялись «сметы на починки и переделки» вместе с планами казенных строений с подробными описями повреждений для проверки точности и верности составления смет перед отпуском требуемых сумм. В фонде Департамента государственного хозяйства Министерства внутренних дел сохранилось значительное количество дел о состоянии казенных зданий и необходимости их исправления (8).

При губернаторе И.М. Долгорукове во Владимире был построен новый губернаторский дом (9). Именно в начале XIX в. в Твери, Ярославле и Вла-

димире были созданы специальные резиденции губернаторов, просуществовавшие весь дореволюционный период.

В Костроме в 1806–1809 гг. было построено здание присутственных мест с колоннадой, несколько перестроенное в 1832 г. В 1823–1826 гг. по проекту П.И. Фурсова возводилась гауптвахта, ставшая значительным памятником провинциальной архитектуры. Он же стал автором проекта знаменитой 35-метровой каланчи, построенной в 1825 г. (10). Кострома, «очищенная» пожаром 1779 г. от зданий «устаревшего» стиля, поражала правильностью, единством стиля классицизма. Присутственные здания, губернаторский дом также привлекали внимание своей красотой и величественностью, однако посетивший город в 1821 г. граф Д.И. Хвостов отмечал, что здания настолько обширны, что некоторые залы остались без отделки (11). Это полностью отвечало характерному для того времени несоответствию внешнего облика административных зданий внутренней обстановке помещений и свидетельствовало о неустроенности служебного быта губернских чиновников.

Воспоминания современников подтверждают этот факт. Так, И.И. Мешков описывал обстановку Пензенского уездного суда в 1828 г.: она была «самая бедная», «столы ветхие, даже судейский был таков», что за ним едва помещались судья и два заседателя, для сельских заседателей вообще не было места, секретарский стол был так мал, что на него ничего не возможно было положить, столы канцелярских служителей были в таком положении, что едва стояли (12). Не было ни одного шкафа, поэтому дела валялись на полу, под столами в каких-то коробках. Из мебели были еще судейское кресло, три стула, а для канцелярских служителей скамьи и лукошки. Чернильницы были только для судьи, секретаря и протоколиста, а для остальных их заменяли черепки от разбитых бутылок. «Сукна были только на судейском и секретарском столах, но ветхие и измаранные». Сын И.И. Мешкова подтверждает, что подобная обстановка была не только в низших и высших присутственных местах в Пензе, но и в губернском правлении.

Продолжительность рабочего дня чиновников в XVIII в. составляла 10–12 час. и регулировалась указами, в XIX в. рабочий день стал несколько сокращаться. В 1820-е гг. чиновники были на службе с 9 час. утра до 6 (иногда 7) час. вечера. В 1840-х гг. чиновники приходили на службу ежедневно от девяти до двух утра и оставались там до пяти или восьми вечера (13). Переписчики еще иногда брали работу на дом. В среду и субботу, когда не отправляли почту, служащие уходили в час дня. Продолжительность рабочего времени компенсировалась большим числом неприсутственных дней. Так, в среднем в рассматриваемый период было 60 свободных от присутствия дней в году (см. табл.).

Подобная продолжительность рабочего дня чиновников объясняется условиями жизни того времени. Приходилось подстраиваться под световой день, поскольку электрического освещения не было, его заменяли свечи.

**Количество праздничных дней в первой четверти XIX в.,
в которые присутственные места, а также училища
«от присутствия и учения свободны» (14)**

Год	1803	1813	1823
Всего, дней	65	64	51

Составлено по: Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1803. – СПб., 1803. – Ч. 1. – С. XV–XVII; Месяцослов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето 1813. – СПб., 1813. – Ч. 1. – С. XV–XVIII; 1823. – С. 165–168.

Трехчасовой дневной перерыв в службе определялся бытовыми условиями, необходимостью готовить еду. Мизерный размер жалованья заставлял провинциальных чиновников вести домашнее хозяйство: выращивать овощи, ягоды, держать скотину, чтобы обеспечить пропитание себе и своей семье.

Чиновники имели право увольняться в отпуск, который использовался для решения семейных дел или лечения. Согласно Манифесту 18 февраля 1762 г. и Жалованной грамоте дворянству начальству разрешалось обращаться в Сенат по этому поводу с представлением на тех служащих, назначение которых зависит от него, а также по Регламенту и последовавшим за ним указам 6 марта 1775 г., 3 мая 1782 г., 18 марта 1792 г. – на тех членов присутственных мест и губернских правлений, советников и асессоров, городничих, которые пожелают быть в отпусках 29 дней и более (14). Указ разрешал самим губернаторам увольнять в отпуск уездных судей, земских исправников, их заседателей и другие чины, но не более чем на 29 дней, а на больший срок – представлять Сенату. Указ 11 марта 1802 г. разрешал губернаторам и губернским правлениям предоставлять отпусков чиновникам палат уголовного и гражданского суда, совестного суда на 29 дней, на больший срок – представлять Сенату. Больше одного должностного лица в присутственном месте увольнять не разрешалось. Указ 4 февраля 1803 г. предписывал следить, чтобы никому не просрочивать отпусков и частых отпусков не делать, и «чтобы всегда оставалось положенное число членов на лицо».

В фонде канцелярии ярославского губернатора содержится предложение от 1802 г. Ярославскому уездному суду, разосланное всем уездным и земским судам губернии, чтобы чиновники, служащие по выборам дворянства, «имея нужду в отпусках», просили не лично от себя, так как это не соответствует порядку службы, а выходили с прошением по месту службы, которое и будет представлять о том начальству (15). Анализ архивных материалов позволяет сделать вывод о том, что губернские и уездные чиновники верхневолжских губерний крайне редко уходили в отпусков. В изученных

формулярных списках чиновников Ярославской губернии только у служащих почтового ведомства обнаружены записи об отпусках – 14 (3%) (16). Видимо, это связано с тяжелыми по сравнению с другими чиновниками условиями службы, сопряженной с постоянными разъездами, поэтому еще в среде данных служащих было распространено пьянство, что также отражено в их послужных списках. 31 чиновник данного ведомства Ярославской губернии «признан, хоть и способным, но не достойным к продолжению службы» за пьянство и «буянство». Интересна формулировка в некоторых формулярах: «впредь до исправления, аттестован быть не может». Данный факт сразу привлекает внимание, поскольку сильно отличается от «типовых» послужных списков чиновников прочих губернских учреждений.

Среди чиновников Тверской губернии в отпусках были двое (0,4%) (17). Из них канцелярский служитель Вышневолоцкого земского суда губернский регистратор Т.К. Никольский, будучи уволенным 11 февраля 1808 г. в отпуск на восемь дней в г. Бежецк, «до сих пор не возвратился», по-видимому, он сбежал, так как на него было заведено дело в Тверской уголовной палате (18). В Костромской губернии – 3 (1,7%): квартальный надзиратель Костромской градской полиции губернский секретарь В.С. Бушневский был в отпуске; в Костромской казенной палате начальник 3-го стола питейного сбора губернский секретарь М.Е. Прилутский с 28 августа по 10 сентября 1823 г. находился в отпуске. Советник управляющего питейного сбора титулярный советник Н.Н. Кольпанов «в продолжение статской службы в разные времена увольняем был в отпуски, и на положенные сроки к должности» являлся (19). Аналогичные данные обнаружены и по Владимирской губернии. Таким образом, эти данные подтверждают вывод о том, что чиновники губерний Верхнего Поволжья крайне редко пользовались правом увольняться в отпуска.

Чиновник должен был жить там, где служит; отлучиться он мог только с позволения начальства. Так, Н.П. Макаров писал, что когда его отец, Н.П. Макаров, был избран Чухломским дворянством исправником земского суда, то он должен был жить постоянно в городе «по своей должности», в деревню к семье «наезжал редко» (20). Подобный факт отмечал И.А. Шестаков, отец которого, много лет служивший судьей, по понедельникам уезжал в губернский город из усадьбы, где жила семья, а в пятницу поздно вечером возвращался домой (21).

Характерной чертой деловой жизни того времени являлась медленность присутственных мест и должностных лиц. Чиновники оправдывались тем, что необходимо наводить уточняющие справки и составлять экстракты, на самом деле большинство из них занимались «канцелярскими отписками» и создавали видимость труда. Причинами медленного течения дел были (22): «небрежность и лень», а также «злой умысел чиновников разных рангов». Думается, что объективной причиной данного факта мог быть и отмеченной И.И. Дмитриевым «запутанный, варварский слог наших толстых экстрактов

и апелляционных челобитен» (23). Данный факт приводил к особой значимости должность секретарей, которые составляли экстракты дел и представляли их начальству на рассмотрение. Потому, как говорил Александр I флигель-адъютанту П.Д. Киселеву, много зла может происходить в управлении «как от высших, так и от дурного выбора низших чиновников» (24). В.Н. Геттун писал, что когда он стал секретарем дворянской опеки, то сначала «сформировал канцелярию по своему выбору людей» и после «управлял ею как хотел, ибо судьи не мешались в эту часть и имели ко мне полную доверенность» (25). Данный факт отразился и в литературе того периода. Так, в одноименной комедии автор дал секретарю фамилию Хватайкин: «Что по закону не возможно, возможно то секретарю» (26).

И.И. Мешков в своих воспоминаниях отмечал важность должности простого писца, от которого «зависела всякая справка с книгами и делами, нет ли препятствий к совершению» дел (27). Он с самого начала службы понял, что данная должность не требовала «ничего кроме усердия, исправности в письме и хорошего поведения». После хорошее исполнение своих служебных обязанностей помогло ему стать известным не только просителям, но и «благородным и значительным людям», что помогло в будущем сделать карьеру честным путем. Начав службу канцелярским служителем в Саратовской гражданской палате, он дослужился только до титулярного советника, несмотря на свои старания, получить чин коллежского асессора ему не удалось. В 1830 г. И.И. Мешков получил знак отличия безупречной службы и более никаких наград не удостоивался. Жил он безбедно, жалованьем и трудами, но в старости «не знал, чем... себя и бедное семейство» содержать (28). Можно признать, что, «руководствуясь законом, совестью и честью», состояния сделать было невозможно. Это было характерно и для высших губернских чиновников. Так, И.Я. Бухарин, бывший вице-губернатором и губернатором в различных губерниях, «действовал по сознанию собственной совести», боролся со взятками, имел скромное состояние и все время нуждался в деньгах (29).

Говоря о медленном прохождении дел, не стоит забывать об особенностях делопроизводства того времени. В начале XIX в. делопроизводство осложнялось рядом технических обстоятельств. Документы писались исключительно от руки гусиными перьями, «главным орудием писания» с незапамятных времен, требовавшими частой заточки и замены и не позволявшими писать быстро. Для очинки перьев существовали особые машинки, но хорошие были дорогими, «скоро портились, поэтому преобладала ручная очинка» (30). К тому же писчая бумага была низкого качества (с неровной поверхностью). Освещение свечами и «копилками» было недостаточным. Текст каждого документа приходилось писать, по меньшей мере, дважды: в виде черновика и беловика. Так как копировальной бумаги не существовало, для получения копии документа приходилось его переписывать, а в некоторых случаях размножить его текст типографским способом.

Стремясь к упрощению и удешевлению делопроизводства, при его реформировании власти пытались возместить вероятную неопытность, необразованность и нерадивость чиновников. Указ об учреждении министерств от 25 июня 1811 г. содержал целый раздел из 135 параграфов, посвященный делопроизводству (31). Считалось, что вновь устанавливаемый порядок делопроизводства предопределил деятельность чиновника и будет средством контроля за ней. Номенклатура (состав) и формуляры документов для каждого рода учреждений, порядок их оформления и рассмотрения, формулы обращения и подписания – все это предусматривалось законом и строго контролировалось. Идеалом считалась, с одной стороны, содержательность изложения, а с другой – краткость и ясность документов. Сохранявшаяся архаичность языка и отсутствие четких правил правописания мешали этому.

Исследователи во все времена много писали о злоупотреблениях, взяточничестве и казнокрадстве в среде чиновничества. Эта тема также заняла значительное место в русской классической литературе. Яркие запоминающиеся образы чиновников создали Капнист, Гоголь, Салтыков-Щедрин. А.Е. Измайлов писал о «приказных синонимах»: «...доложить все то же, что и приложить» (32). Так, понытчик объяснял незадачливому просителю, дело которого решалось больше месяца, и пригрозил еще и себе мзду:

«Фунт чаю взять с тебя за объясненье!
Истец исполнил все тот час
И на другой же день как раз,
Поспел экстракт, определенье
И выдали ему указ».

Взятка всеми признавалась злом, но при низком жалованье губернского и уездного чиновничества – злом неизбежным. Н.П. Макаров в своих воспоминаниях писал: «все брали взятки» (33). Помимо этого, как отмечал П. Берлин, «русская взятка» имеет «весьма древнюю родословную» и исторические традиции (34). Служба всегда была способом «кормиться», только при Екатерине II было введено денежное жалованье, а привычка «подносить» осталась.

С.И. Писарев описал характерный для России XVIII в. факт раздачи «праздничного» чиновникам в Смоленске «натурой в виде яиц, дичи и зайцев». Он приводит реестр даров к празднику Пасхи, составленный «по рангу, кому что дано, начиная с губернатора... кончая секретарями» (35). Л.Н. Трефолев в небольшой статье привел своеобразный преискуронт, составленный секретарем Г. Муратовым, осужденным Ярославской палатой уголовного суда в 1789 г. за взяточничество. Размер взятки не был постоянным, изменялся «по обстоятельствам» в пределах 5–50 руб. (36). Основой для расцвета взяточничества в среде чиновничества в начале XIX в. являлись низкий нравственный и образовательный уровень, мизерные оклады, бумаготворчество и многоступенчатость в прохождении бумаг.

На местном уровне начальство губерний также вносило свой вклад в попытки искоренения взяточничества. Так, в архиве канцелярии Ярославского губернатора было обнаружено дело за 1824 г. «о предостережении канцелярских чиновников от дурных поступков», содержащее предложение Ярославского губернатора губернскому правлению (37):

«1. Таких канцелярских чиновников в Ярославле, которые не исправляют неприличное поведение внутренними мерами, представлять лично к губернатору через его секретарей для «должного начальственного внушения или поступления с ними по дальнейшему усмотрению.

2. Предписать указами всем прочим уездным городам высылать рапорты с описанием поступков подобных чиновников и принятых мер для дальнейшего распоряжения губернатора.

3. Вменить в обязанность начальникам присутственных мест «иметь строгое внимание» на поведение и образ жизни подчиненных, не только тогда когда занимаются они обязанностями по службе, но и когда «из должности пребывают».

Виды наказания чиновников в начале XIX столетия были различными. Постепенно уходили в прошлое суровые наказания канцелярских служителей. Хотя отдельные случаи истязаний еще встречались и в это время. Так, Н.Н. Руссов писал, что в 1827 г. «служилый сотник Григорий Левицкий – сажал малороссиянина Климова в станичной избе в какую-то неподвижную колоду», «каковой способ держания людей» был признан за «род пытки, от последствий каковой пытки Климов и умер» (38). В 1804 г. за подложное письмо с целью получения 200 руб. Ярославская уголовная палата присудила виновным: губернского секретаря Петерсона лишить чинов, личного дворянства и определить в воинскую службу, канцеляриста Бурнашева лишить чинов, наказать плетьюми 50 ударами и определить в воинскую службу (39). Приказнослужитель Вязниковского уездного суда коллежский регистратор Д.И. Павлов «за употребленный против начальства обман» был наказан содержанием на хлебе и воде на 3 дня (40).

В учреждении о губерниях предписывалось местным властям «прилежно» следить за исполнением закона, а также «взыскание чинить во всех непослушных, роптивных, ленивых и медлительных», пеню на них налагать, а «буде не исправляются, то оных к суду отсылает...» (41). Указы от 20 июня 1805 г., 15 мая 1815 г., января 1817 г. разъясняли разницу между пенями и штрафами, а также порядок их взыскания с провинившихся чиновников (42). Пеня и штраф являлись наказанием, но различной степени: пеня была только легким взысканием, налагаемым без производства суда, а штраф был наказанием, определяемым по суду. Пени следовало отсылать в приказ общественного призрения, а штрафы «причислять в государственный доход». Указ августа 1815 г. разрешал уездным стряпчим пользоваться третьей частью пени в случае, если она действительно их стараниями взыскана.

Н.П. Макаров упоминал о ярославском губернаторе А.М. Безобразове как о грозе «нерадивых» чиновников и взяточников, а сам губернатор охарактеризован как «взятки берущий», но отправляющий их на благотворительность и «богоугодное дело». Скорее всего, речь идет как раз о взыскании пени (43). В ходе исследования архивных материалов во всех верхневолжских губерниях были обнаружены чиновники, которые находились под судом за различные нарушения. В частности, в изученных формулярных списках чиновников Ярославской губернии у 9 служащих (2%) имеется запись о нахождении под судом, в Тверской губернии – у 11 чиновников (2%), в Костромской губернии – у 2 чиновников (1%), во Владимирской губернии – у 18 чиновников (3,6%) (44). Итак, в рассмотренных верхневолжских губерниях удельный вес чиновников, находившихся под судом, был примерно одинаков и составлял в среднем 2,6% (40 чиновников из 1526).

Половина причин отдачи под суд приходилась на дисциплинарные нарушения (самовольная отлучка, избиение, ругань, пьянство). Однозначную оценку выявленным данным дать сложно. Такой небольшой процент судимостей либо говорит о том, что мнения исследователей, писателей и современников о значительном размахе правонарушений в среде чиновничества субъективны и являются преувеличенными, либо свидетельствует о том, что далеко не все случаи нарушений вскрывались и доводились до суда, либо действительно чиновники, зная неотвратимость наказания, боялись нарушать закон. Не случайно Н.П. Макаров отмечал, что в первой четверти XIX в. «слово “уголовная палата” было... пугалом, страшилищем в глазах всех служащих и не служащих». Попасты в нее (под суд) считалось «бесчестием, неизгладимым позором, вечным, несмываемым пятном, а сверх того, часто и разорением для людей состоятельных; и потому все дрожали от страха при одной мысли быть постигнутым таким неизбывным несчастием...» (45).

По-видимому, все было не так уж плохо, как может показаться на первый взгляд, существовали и другие, прямо противоположные примеры, о которых меньше писали или вообще не писали. Зачем? Если и так все хорошо, обличать нечего. Поэтому в литературе сложно найти образ честного чиновника. И все же такие примеры есть. Так, Е.П. Карнович упоминает произведение графа Соллогуба «Чиновник», где добродетельный чиновник Назимов укоряет взяточников, и комедию Львова «Свет не без добрых людей» (46). В комедии известного русского актера Плавильщикова «Сиделец» одним из действующих лиц является честный городской голова (47). Н.С. Лесков в своем рассказе «Однодум» повествует о честном Солигаличском квартальном надзирателе А.А. Рыжове, который «даров не принимал», «взяток совсем не брал» (48). Был он родом из приказных детей, образование получил «у дьячка», жил «по священному писанию и своей совести», не просил повышения по службе, потому что «а кто же эту занимать станет». Был пожалован Кост-

ромским губернатором С.С. Ланским Владимирским крестом, дарующим дворянство. Это был первый владимирский крест, пожалованный квартальному надзирателю. О самом губернаторе упоминается: «уважал в людях честность и справедливость и сам был добр», выгнал со службы «великое множество» нерадивых и злоупотреблявших своей должностью чиновников. В другом своем рассказе Н.С. Лесков пишет: «У нас не переводились, да и не переведутся праведные. Их только не замечают, а если стать присматриваться они есть... И, заметьте, все, не из чернородья и не из знати, а из людей служилых, зависимых, коим соблюсти правоту труднее; но тогда были... Верно и есть, только, разумеется, искать надо» (49).

В «Костромской старине» упоминается некий чиновник М. Сергеев как «основатель и содержатель театра» (50). К сожалению, пока не удалось выяснить, кто такой этот чиновник. Первое упоминание о публичном городском театре в Костроме относится к 1809 г., в журнале приказа общественного призрения есть запись о том, что содержатель Костромского театра М.А. Сергеев внес на благотворительные цели 100 руб. из доходов театра за 1808 г., которые обязался жертвовать при его заведении. «В более ранних журналах упоминаний о театре не встречается». В «Северной почте» за 14 мая 1810 г. писали: «...содержатель театра ежегодно вносил в приказ общественного призрения по 100 руб. Деньги раздавались беднякам» (51).

В архиве канцелярии костромского губернатора находится представление губернатору от губернского предводителя дворянства генерал-майора Нелюдова, в котором он «всепокорнейше» просит засвидетельствовать «на вид главного правительства и публики» «бескорыстие и содеянное добро» протоколиста коллежского секретаря С. Протопопова (52). С. Протопопов, «обладая беспристрастием и добродетельными свойствами», выполнил поручение покойного генерал-майора и кавалера Ф.М. Кутузова о продаже родового имения в 400 душ, «доверие и завещание покойного действительно исполнено и дети имение получили». Вдова генерал-майора А.Н. Кутузова, заболев, вручила коллежскому секретарю «скрытно от всех на сохранение деньги золотую и серебряною монетою и государственными ассигнациями 2285 руб., знатное имущество в жемчуге, бриллиантов, золотых и серебряных вещах и серебряной посуды состоящее». После ее смерти по завещанию он все передал в опеку ее малолетних детей титулярному советнику А. Яковлеву. Узнав об этом происшествии, предводитель не мог оставить его без внимания.

В архиве канцелярии ярославского губернатора сохранились прошения за 1827 г. с просьбой принять на службу чиновниками особых поручений «без всякого жалованья», поскольку были «побуждаемы рвением быть более и более полезны Отечеству», от отставных полковника Николая Васильевича Посникова и штаб-капитана и кавалера Петра Николаевича Колычева (53). Таким образом, можно сделать вывод о том, что не все чиновники

были поглощены только погоней за чинами, наградами и деньгами. Так, граф Хвостов в одной басне писал:

«Мы ищем на земле, спросите всех людей,
Чинов, богатств, честей...
Какой-то господин
Был средственно богат, имел средний чин;
И человек достойный,
Лишь хлопотал:
Зачем не Генерал...» (54).

Традиционное мнение, что «служить – значило добывать чины всякими путями и извлекать из своего привилегированного положения всевозможные личные выгоды» (55) – это только одна сторона чиновничьей службы. Чиновники были обычными людьми со своими достоинствами и недостатками, которые могли проявлять самые разные качества, как жадность, так и бескорыстие и т.д.

Традиционно мнение исследователей, которое подтверждается и большинством современников, о бесправном, угнетенном, подчиненном положении «чиновничьего пролетариата» (56), особенно в губернских и уездных учреждениях начальством. Так, В.Р. Зотов в своих автобиографических записках писал: «Полнейшая покорность судьбе и начальству» – философия народного духа и характера (57). Представляется забитая покорная судьбе понурая фигура, однако в действительности все было не так однозначно, «ведь каждый прежде рождается человеком, а потом уже делается чиновником» (58). В.Н. Геттун вспоминал, как, исправляя должность секретаря дворянской опеки, будучи еще довольно молодым человеком, он «пошутил» во время заседания (59). По прошению о дозволении он, заранее приготовив две резолюции, начал читать «отказ», немного погодя извинился (не та бумага), просители обрадовались и «в благодарность» за успешное решение дела угостили всех обедом, за которым «довольно повеселились». Никаких последствий для карьеры В.Н. Геттуна это происшествие не имело.

В первой четверти XIX в. существовали следующие виды наград по гражданской службе: 1) чины; 2) ордена; 3) Высочайшее благоволение; 4) арендные деньги; 5) пожалование земель; 6) прибавочное жалованье; 7) подарки от имени императора; 8) единовременные денежные выдачи; 9) признательность начальства, объявляемая с Высочайшего соизволения (60). Особым видом поощрения чиновников являлись награды. При награждении орденами соблюдалась установленная законом очередность (61).

В архиве канцелярии костромского губернатора сохранилось прошение надворного советника И.П. Протасьева «с покорнейшей просьбой» о награ-

ждении орденом св. Владимира четвертой степени согласно Манифесту от 12 декабря 1801 г., как прослужившему по выбору дворянства три срока бессрочно и избранному на четвертое 3-хлетие (62). В списке чиновников Костромской губернии для внесения в адрес-календарь на 1805 г. указаны 10 орденских кавалеров (7%): Кавалеров св. Анны второй степени и св. Владимира четвертой степени – 4, св. Владимира четвертой – 4, св. Анны второй – 1, св. Георгия – 1 (63). В списке чиновников Костромского губернского правления и чинов городской и уездной полиции Костромской губернии за 1812 г. находилось из 131 служащих 39 (30%) орденских кавалеров, в том числе св. Владимира – 5, св. Анны – 10 чиновников, св. Станислава – 20, прочее (не удалось прочитать) – 4 (64).

Итак, удельный вес кавалеров различных орденов в Костромской губернии с 1805 г. по 1812 г. увеличился в четыре с лишним раза. Аналогичная ситуация наблюдалась по прочим верхневолжским губерниям.

Увеличение в составе губернского и уездного чиновничества количества кавалеров различных орденов объясняется поступлением в статскую службу отставных военных, а также существующими правилами награждения, позволяющими получать соответствующие ордена за выслугу определенного количества лет.

Медали в отличие от ордена свидетельствовали не о заслугах их обладателя, а об участии в каком-либо событии, полезной деятельности и т.д. (65). Так, в 1802 г. по случаю коронации Александра I был награжден медалью Ярославский губернатор князь М.Н. Голицын (66). В 1814 г. «за ревностное содействие в пожертвованиях и благонамеренные поступки во время нашествия неприятеля» награждены золотыми медалями на Анненской ленте городские головы: Ярославля – Матвеевский, Борисоглебска – Селиверстов, Рыбинска – Ильинский, Мологи – Бучиков, Углича – Кожевников (67). В 1800 г. императором были пожалованы «за расторопность в отыскании преступников и похищенного придворного серебра» Ростовскому и Любимскому земским исправникам золотые часы каждому, а Любимскому городничему – табакерка (68). За отличную службу в должности секретаря при губернаторе и в приказе общественного призрения титулярному советнику Казанскому в 1824 г. был всемилостивейше пожалован бриллиантовый перстень с цветным камнем стоимостью 350 руб. (69). Двум чиновникам Рыбинского уезда в 1813 г. – «где за отличное усердие в отыскании... грабителей всемилостивейше пожалован бриллиантовый перстень» (70). Это были достаточно типичные случаи, характерные для всех верхневолжских губерний в равной степени.

Таким образом, служебная деятельность провинциальных чиновников складывалась из выполнения определенных служебных обязанностей. Основные тенденции, выявленные в процессе анализа чиновничества верхневолжских губерний в первой четверти XIX в., свидетельствуют о типичности данного региона с точки зрения состава и деятельности местной администрации для Центральной России.

В первой четверти XIX в. гражданская служба стала легче: отошли в прошлое суровые наказания канцелярских служителей, сократился рабочий день. Во всех верхневолжских губерниях появились специально спроектированные присутственные места, правда, их внешнее великолепие далеко не всегда соответствовало внутренней убогости обстановки. Центральная и местная власти постоянно уделяли внимание поведению чиновников, всячески предостерегали их «от дурных поступков», от «послаблений и упущений по службе». Существовала система наказаний и поощрений провинциального чиновничества. Во всех рассмотренных губерниях были обнаружены факты как наказаний, так и награждений чиновников.

Образ чиновника-взяточника, сложившийся в исследовательской и популярной литературе, видимо, не соответствует действительности, так как в ходе проведенного исследования были выявлены и противоположные примеры бескорыстного и добродетельного поведения провинциальных чиновников. Местное управление находилось в руках чиновников, профессиональная подготовка и личностные особенности которых определяли их служебную деятельность и повседневную жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Александров М. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. – СПб., 1910. – С. 104; Яблочков М. История дворянского сословия в России. – СПб., 1876. – С. 600; История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911. – СПб., 1911. – Т. 3. – С. 599; Систематическое собрание российских законов. С присовокуплением правил и примеров из лучших законоучителей. Расположенное трудами Сергея Хапылева. – СПб., 1817. – Ч. I. – С. 59–60.
- (2) ПСЗ. Собр. I. – Т. XLIV. – № 19763, 24983.
- (3) Страховский И.М. Губернское устройство // Журнал Министерства юстиции. Год девятнадцатый. – № 9. – Ноябрь. – С. 171.
- (4) Ярославская губерния в начале XIX века: Материалы историко-научных описаний / Ред.-сост. Я.Е. Смирнов. – Ярославль, 2008. – С. 59, 214.
- (5) Там же. – С. 170.
- (6) Герман К. Статистическое описание Ярославской губернии. – СПб., 1808. – С. 23–24.
- (7) Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). – Ф. 73. – Оп. 1. – Д. 6, 7; Журнал министерства внутренних дел. 1829. – С. 78.
- (8) Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1285. – Оп. 8. – Д. 290. – Л. 1–17; Д. 695. – Л. 1–80; – Д. 770. – Л. 1–32; Д. 832. – Л. 1–5; Д. 1236. – Л. 1–15; Д. 1468. – Л. 1–6; Д. 1487. – Л. 1–41; Д. 1993. – Л. 1–9; Д. 2014. – Л. 1–74; и др.
- (9) Фролов Н.В., Фролова Э.В. Владимирские наместники и губернаторы. – Ковров, 1998. – С. 30, 36, 47.
- (10) Рязановский Ф. Памятники искусства и старины // Прошлое и настоящее Костромского края. – Кострома, 1926. – С. 131.
- (11) Сизинцева Л. Мало таких приятных городов в России // Костромская старина. – 1996. – № 8. – С. 16.
- (12) Записки И.И. Мешкова. 1767–1832 (Сообщено Б.Л. Модзалевским) // Русский архив. – М., 1905. – Кн. 2. – С. 240–241.

- (13) Там же. – С. 194; *Герцен А.И.* Былое и думы / *Герцен А.И.* Соч.: В 3 т. – М., 1973. – Т. 1. – С. 267.
- (14) Систематическое собрание российских законов. С присовокуплением правил и примеров из лучших законоучителей. Расположенное трудами Сергея Хапылева. – СПб., 1817. – Ч. II. – С. 247–249.
- (15) ГАЯО. – Ф. 73. – Оп. 1. – Д. 419. – Л. 1–15.
- (16) Там же. – Д. 742. – Л. 48–86.
- (17) Государственный архив Тверской области (ГАТО). – Ф. 466. – Оп. 2. – Д. 2094. – Л. 491 об.–492, 451 об.–452.
- (18) Там же. – Л. 451 об.–452.
- (19) Государственный архив Костромской области (ГАКО). – Ф. 133. – Оп. 1. – Т. 3. – Д. 5651. – Л. 6 об.–7; Ф. 200. – Оп. 7. – Д. 37. – Л. 6 об.–7; Д. 44. – Л. 11 об.–12.
- (20) *Макаров Н.П.* Мои 70 лет. Воспоминания. – СПб., 1881. – Ч. 1. – С. 79.
- (21) Воспоминания И.А. Шестакова // *Русский архив*. – 1873. – № 2. – С. 186.
- (22) История Правительствующего Сената за двести лет. – СПб., 1911. – Т. 3. – С. 579.
- (23) Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника И.И. Дмитриева: В 3 ч. – М., 1866. – С. 77.
- (24) *Булгаков Ф.И.* Русский государственный человек минувших трех царствований. Граф П.Д. Киселев // *Исторический вестник*. – 1882. – Январь. – С. 132–133.
- (25) Записки В.Н. Геттуна. 1771–1815 // *Исторический вестник*. Историко-литературный журнал. – 1880. – Т. I. – № 1. – С. 37.
- (26) *Н. М.л.е.а.* Иван Семенович Хвагайкин. Комедия-водевиль в одном действии. – СПб., 1846. – С. 24.
- (27) Записки И.И. Мешкова. 1767–1832 (Сообщено Б.Л. Модзалевским) // *Русский архив*. – М., 1905. – Кн. 2. – С. 189.
- (28) Там же. – С. 242.
- (29) *Лесницкая В.* Воспоминание о Бухариных // *Русская старина*. – 1914. – Апр. – С. 130–134.
- (30) *Лебедев В.* Учебные воспоминания // *Русская старина*. – 1907. – Июнь. – С. 633.
- (31) См.: ПСЗ. – Собр. I. – Т. XXXI. – № 24 686; *Русакова С.В.* Эволюция системы документирования деятельности губернских учреждений XVIII – начала XIX в. (по документам Государственного архива Тверской области): Автореф. дисс. ... к.и.н. / ВНИИДАД. – М., 2006. – С. 15.
- (32) *Измайлов А.Е.* Соч. – СПб., 1849. – Т. 1. – С. 158–159.
- (33) *Макаров Н.П.* Мои 70 лет... – С. 50.
- (34) *Берлин П.* Из прошлого русской взятки // *Новая жизнь*. – 1912. – № 10. – С. 159; *Манько А.В.* Блюстители верховной власти в России: Ист. очерк. – М., 2004. – С. 13.
- (35) *Писарев С.И.* Пасхальные подарки, розданные смоленским чиновникам в 1722 г. // *Исторический вестник*. – 1882. – Июнь. – С. 695–697.
- (36) *Трефолов Л.Н.* Такса на взятки // *Исторический вестник*. Историко-литературный журнал. – 1882. – Т. X. – С. 223.
- (37) ГАЯО. – Ф. 73. – Оп. 1. – Д. 1777. – Л. 1–2.
- (38) *Руссов Н.Н.* Помещичья Россия. – М., 1911. – С. 145.
- (39) ГАЯО. – Ф. 73. – Оп. 1. – Д. 505. – Л. 1–8 об.
- (40) РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 196. – Л. 253.

- (41) Систематическое собрание российских законов. С присовокуплением правил и примеров из лучших законоучителей. Расположенное трудами Сергея Хапылева. – СПб., 1817. – Ч. II. – С. 224–227.
- (42) Там же. – С. 225–233.
- (43) Макаров Н.П. Мои 70 лет... – С. 51–52.
- (44) Сост. по: ГАЯО. – Ф. 73. – Оп. 1. – Д. 1773. – Л. 74; Д. 800. – Л. 52; Д. 265. – Ч. 1. – Л. 52; Д. 860. – Л. 5, 6; Д. 1091. – Л. 31; Д. 1596. – Л. 31, 48–49; Д. 464. – Л. 4; ГАКО. – Ф. 134. – Оп. 9. – Д. 35. – Л. 30 об.–31; БШ. – Д. 4934. – Л. 1 об.–2; ГАТО. – Ф. 466. – Оп. 2. – Д. 2094. – Л. 30 об.–31, 36 об.–38, 40 об.–41, 67 об.–68, 70 об.–71, 81 об.–82, 87 об.–88, 138 об.–139, 163 об.–165, 451 об.–452; РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 196. – Л. 1–294.
- (45) Макаров Н.П. Мои 70 лет... – С. 47.
- (46) Карнович Е.П. Собр. соч.: В 4 т. – М., 1995. – Т. 2. – С. 644.
- (47) Сиротинин А.Н. Актер Плавильщиков // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. – 1891. – Август. – С. 443–444.
- (48) Лесков Н.С. Очарованный странник. – М., 1981. – С. 176–206.
- (49) Там же. – С. 207.
- (50) Костромская старина. – 1996. – № 8. – С. 21.
- (51) Боржеск М.Н., Голубев Е.П., Кашина Н.К. и др. Костромской драматический / Сост. Е.Г. Степаненко. – Ярославль, 1984. – С. 16.
- (52) ГАКО. – Ф. 133. – Оп. 1. – Т. 2. – Д. 2647. – Л. 1–1 об.
- (53) Там же. – Ф. 73. – Оп. 1. – Д. 1773. – Л. 37 об., 39–39 об., 42.
- (54) Басни Графа Хвостова. – СПб., 1820. – Т. 3. – С. 79.
- (55) Стоюнин В.Я. Консерваторы сороковых годов // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. – 1882. – Янв. – С. 12.
- (56) Там же. – С. 12.
- (57) Зотов В.Р. Петербург в сороковых годах (Выдержки из автобиографических заметок) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. – 1890, янв. – С. 31.
- (58) Там же. – С. 545.
- (59) Записки В.Н. Геттуна. 1771–1815 // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. – 1880. – Т. I. – № 1. – С. 38.
- (60) Свод законов. – 1842. – Ч. 3. – Кн. 1. – Ст. 1085.
- (61) Там же. – Ст. 1108.
- (62) ГАКО. – Ф. 133. – Оп. 1. – Т. 3. – Д. 7005. – Л. 33–33 об.
- (63) Там же. – Т. 2. – Д. 2622. – Л. 1–8.
- (64) Там же. – Ф. 134. – БШ. – Д. 5152. – Л. 259–265.
- (65) Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX. – СПб., 1999. – С. 354.
- (66) ГАЯО. – Ф. 73. – Оп. 1. – Д. 418. – Л. 1–1об.
- (67) Там же. – Д. 890. – Л. 4–26.
- (68) Там же. – Д. 149. – Л. 1–8.
- (69) Там же. – Д. 409. – Л. 1–4.
- (70) Там же. – Д. 860. – Л. 1, 2.

**PROVINCIAL BUREAUCRATS IN THE FIRST QUARTER
OF THE 19TH CENTURY (BASED ON MATERIALS
OF UPPER VOLGA REGION)**

I.G. Melnikova

Regional Studies and Tourism Department
P.G. Demidov Yaroslavl State University
Sovetskaya Str, 14, Yaroslavl, Russia, 150000

The article is dedicated to official activities of provincial bureaucrats in the first quarter of the 19th century on the example of Upper Volga region. The author analyses the service conditions and routine operations of public servants and reveals specifics of official relations, contemplates the problem of bribery.

Key words: 19th century, Upper Volga region, provincial bureaucrats, service conditions, routine operations, bribery.